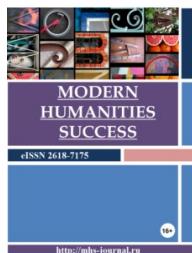


## ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ



Научно-исследовательский журнал «*Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*»  
<https://mhs-journal.ru>

2025, № 2 / 2025, Iss. 2 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

УДК 821.351.42

### Образ матери в чеченской фольклорной и поэтической традиции

<sup>1, 2</sup> Довлеткиреева Л.М.,

<sup>1</sup> Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,

<sup>2</sup> Академия наук Чеченской Республики

**Аннотация:** образ матери в фольклоре народов мира и национальных литературах представляет собой один из устойчивых универсальных архетипов, который обычно выступает в одном ряду с константами «Родина», «сын», «честь», «достоинство», «свобода», «защита Отечества». В статье анализируется эпическая роль матери в формировании мировоззрения къонаха (достойного молодца) в фольклоре и литературе чеченцев. Особый акцент сделан на «напутствии матери» герою, которое используется в чеченском героико-историческом эпосе или перед решающим событием – битвой героя с врагами. Автор отмечает, что напутствие имеет стереотипный характер, одинаковую композицию и набор художественных средств и играет воспитательную функцию, в нем чеченская мать определяет квинтэссенцию смысла жизни достойного молодца – защитника слабых и родной земли. Также образ матери рассматривается на материале лирических произведений Магомета Мамакаева, Зайнди Муталибова, Магомета Сулаева, Шарипа Цурueva, Баны Гайтукаевой, Ибрагима Юсупова. Обращается внимание на особенности индивидуально-авторской стилистики и фольклорные традиции в изображении матери.

**Ключевые слова:** эпос, или, мать, сын, къонах (молодец), напутствие, мотив, образ, поэзия

**Для цитирования:** Довлеткиреева Л.М. Образ матери в чеченской фольклорной и поэтической традиции // *Modern Humanities Success*. 2025. № 2. С. 7 – 14.

Поступила в редакцию: 13 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 января 2025 г.; Принята к публикации: 9 марта 2025 г.

\*\*\*

### The image of the mother in the Chechen folklore and poetic tradition

<sup>1, 2</sup> Dovletkireeva L.M.,

<sup>1</sup> Kadyrov Chechen State University,

<sup>2</sup> Academy of Science of Chechen Republic

**Abstract:** the image of mother in the folklore of the peoples of the world and national literatures is one of the stable universal archetypes, which usually appears in the same row with the constants "Motherland", "son", "honor", "dignity", "freedom", "defense of the Fatherland". The article analyzes the epic role of the mother in the formation of the worldview of the konakh – a worthy young man – in Chechen folklore and literature. Particular emphasis is placed on the "parting words of the mother" to the hero, which is used in the Chechen heroic-historical epic illi before the decisive event – the hero's battle with enemies. The author notes that the parting words have a stereotypical character, the same composition and set of artistic means and play an educational function, in it the Chechen mother defines the quintessence of the meaning of life of a worthy young man – the defender of the weak and his native land. The image of the mother is also considered based on the lyrical works of Magomet Mamakayev, Zaindi Matalibov, Magomet Sulaev, Sharip Tsuruyev, Bana Gaitukayeva, Ibragim Yusupov. Attention is drawn to the features of the individual author's style and folklore traditions in the depiction of the mother.

**Keywords:** epic, illi, mother, son, konakh (good fellow), parting words, motive, image, poetry

**For citation:** Dovletkireeva L.M. The image of the mother in the Chechen folklore and poetic tradition. Modern Humanities Success. 2025. 2. P. 7 – 14.

The article was submitted: November 13, 2024; Approved after reviewing: January 11, 2025; Accepted for publication: March 9, 2025.

## **Введение**

Устное народное творчество чеченцев представляет уникальный материал для исследования дихотомии «мать – сын», так как в героическом эпосе или мотив взаимоотношений матери и сына является ключевым для понимания того, как формировался характер достойного молодца (къонаха) и в чем заключается его предназначение. Интересно, что образы героя и матери неразрывны в чеченском фольклоре: мать наделяет юношу умом, внушает ему уверенность и дает ту моральную опору, которая помогает побеждать самых могущественных и хитрых соперников. При этом сын у матери всегда единственный, что подчеркивает ее особую жертвенность. Сын, как правило, сирота. Возможно, это связано с тем, что его отец тоже был защитником родной земли и пал за ее свободу. На это указывают те факты, что, снаряжаясь на решающее событие, юноша часто надевает доспехи и оружие отца – его кинжал, пояс, бурку. Таким образом подчеркивается преемственность поколений в борьбе за свободу.

В чеченской художественной словесности образ матери воплощается в творчестве как классиков, так и современников. Яркие и выразительные произведения на эту тему созданы Магометом Мамакаевым, Магометом Сулаевым, Магомедом Дикаевым, Раисой Ахматовой, Шайхи Арсанукаевым и другими авторами, в современной поэзии – Шарипом Цуруевым, Баной Гайтукаевой, Ибрагимом Юсуповым, Исмаилом Хабаевым...

Чеченская художественная литература продолжает развивать фольклорные традиции изображения линии «мать – сын», несколько меняя ракурс и акцентируя внимание на чувствах женщины и ее переживаниях.

**Цель исследования:** анализ образа матери в чеченском фольклоре и поэзии с позиции ее роли в воспитании достойного сына – защитника слабых и родной земли, выявление художественных приемов и средств, которые используются для семантической презентации этого образа.

## **Материалы и методы исследований**

В качестве исследовательского материала использованы произведения чеченского устного народного творчества, относящиеся к позднему героико-историческому эпосу чеченского народа – илли, а также лирическая поэзия классиков и современников чеченской литературы. В работе

применяются сравнительно-исторический, семантико-стилистический и коннотативный методы анализа текста.

## **Результаты и обсуждения**

В илли – позднем героико-историческом эпосе чеченского народа [3, 7, 8] – образ матери занимает важное место. Ее напутствие перед походом сына на битву с врагами приобрело стереотипный характер и стало общим местом. В начале напутствия мать обосновывает свое право на требование и потом высказывает его сыну [4]. В «Илли о Жаммирзе, сыне Мади, и Бейбулате, сыне Тайми» мать героя в традиционном для чеченского илли напутствии откровенно объявляет сыну, что смысл его жизни заключается в борьбе с врагами родной земли за свободу и достоинство своего народа:

*Б этот день, как сегодня,  
Чтобы ты сразился, родила я тебя.  
Чтобы в том месте, где сразишься,  
Ты погиб, родила я тебя [5].*

В этом илли использован эпический мотив «требование врагом невесты». Старый царский генерал приказывает войскам окружить тройным кольцом чеченское село Чечен-Юрт и требует добровольно отдать ему красавицу Альбику, сестру Жаммирзы. Чтобы спасти село от разгрома, сельские старейшины выполняют такое требование, вопреки желанию девушки.

Никто из молодых жителей Чечен-Юрта не решается оказать сопротивление, хотя ранее они добивались внимания и расположения Альбики. Вернувшись из похода домой раненый Жаммирза отправляется за войском старого генерала и начинает битву за честь и свободу своей сестры. Готовится идти на помощь и прибывший из трудного похода домой израненный Бейбулат, сын Таймы. Отметим, что и Жаммирза, и Бейбулат являются лицами историческими.

Мать героя хорошо осознает, что, возможно, видит Бейбулата живым в последний раз и дает ему напутствие:

*Ши-кхо доши дара шен хъюга ала,  
Цу шеран исс баттахъ хъо кийрахъ лелийна,  
Шеран шийтта баттахъ аганахъ техкийна,  
Буйсанна иижчахъ хъо кога техкош,  
Ша хъуна ийхьина и хъанал кЛайн кхача  
Хъакхин ций санна хъарам бо ша хъуна  
Турна агло ахъа озахъ,*

Тольшина белааш ахъ озахъ,  
Чечан чохъ болчу нехан шавшишнан  
Луур даекхина хъо ваглахъ,  
Деттачу дошана блаэрг белаа юши юцуши,  
Молханан къую садойила яйина,  
Цъха дела воцуриг кхин накъост воцущ,  
Хъайн хъомсар доттагI и жима Жаммирза  
Инарлин эскаран халчу тламо хъийзочу дийнахъ  
Таханлернig санна долчу дийнахъ  
латы вина ша хъо,  
Леттачу меттехъ вала вина ша хъо. [5, с.251]  
Несколько слов есть у меня, чтобы тебе сказать:  
Девять месяцев в своей утробе тебя носила,  
Двенадцать месяцев в люльке тебя качала,  
Ночью, когда засыпала, тебя ногой покачивала,  
И сейчас эту благодатную  
белую пищу, кой вскорила тебя,  
Прокляну, подобно крови свиньи,  
Если от сабли свое тело ты отворотишь,  
Если от ружей свое плечо ты отворотишь,  
Если, оправдав тайные желания  
чечен-аульцев, ты явишься домой.  
Когда от бьющего свинца  
невозможно глаза открыть,  
От порохового дыма задохнуться можно,  
Когда, кроме Бога соратников не имея,  
Твоего любимого друга, молодого Жаммирзу  
Войско генерала в тяжелом бою мучает, –  
В такой день, как сегодня,  
Чтобы ты сразился, родила я тебя,  
Чтобы в том месте, где сразишься,  
Ты погиб, родила я тебя.  
(подстрочный перевод – авт.)

Тот же самый мотив мы обнаруживаем и в ряде других илли, что позволяет сделать вывод о стабильности образа матери и стереотипности ситуации, когда мать, провожая сына в бой, напутствует его. Так, в «Илли о Хоччуке, не имеющем брата» [5] мать перед битвой за село напутствует сына по традиционной схеме: предварительно она рассказывает о трудностях, которые связаны с воспитанием и уходом за ребенком, затем предупреждает, что проклянет материнское молоко, которым вскорила его, если он окажется трусом, и, наконец, объявляет сыну, в чем заключается смысл его существования: «Драться, где дерутся, умереть там, где надо умереть, рожден ты» [5].

В «Илли о Хоччуке, не имеющем брата», в отличие от предыдущих именитых исторических героев Бейбулата и Жаммирзы, мы видим одиночного Хоччука, который вырос без отца и не имеет брата. Его сторонятся и избегают сельские молодцы на площади, где обсуждаются новости и проблемы села. Уязвленный Хоччука возвращается домой и просит мать постелить ему чистую по-

стель. Он ложится спать и видит тревожный сон о том, что его село захвачено врагами, офицеры на фаэтонах ездят по улицам села, плачут женщины и дети.

Сон оказался пророческим, враги окружили село, предстоит тяжелый бой. Хоччука просит мать подготовить коня и простить ему грехи перед возможным трагическим исходом битвы за село. Мать прощает его и дает напутствие, которое и композиционно, и по содержанию аналогично приведенному нами выше фрагменту. [5, с.246] Такое же напутствие встречаем и в «Илли о князе Монце и Сыне Вдовы» [6].

То есть напутствие матери повторяется в различных вариациях во многих илли и имеет свою устоявшуюся композицию: 1 часть – повествование о трудностях материнства, 2 часть – предупреждение о проклятии в случае нарушения завета, 3 часть – наказ матери. Иногда вторая и третья части меняются местами. Стилистика напутствия и изобразительно-выразительные средства также однотипны: лексико-синтаксические повторы «родила я тебя», «прокляну я грудное молоко, коим вскорила тебя», повторяющиеся сравнения, обращения и эпитеты, синтаксический параллелизм. Грудное молоко, проклятое в случае проявления трусости, сравнивается в различных илли с «кровью свиньи», усиливая степень восприятия силы материнского проклятия [4].

При этом мать не предстает бесчувственной и хладнокровной, она исполнена любви и нежности к сыну, жалеет его, используя эпитеты «обездоленный», «родной», обращения «сокол», «сын мой единственный»... Сказители тем самым стремятся передать, как разрывается материнское сердце и каким в то же время остается твердым и убежденным.

В илли герои (Жаммирза, Бейбулат, Хоччука, Хушпар, Сурхо, Вдовий сын) совершают подлинно эпические деяния, громят врагов и восстанавливают мир. При описании их борьбы широко используется поэтический прием гиперболизации, характерный для позднего эпоса илли. Сами герои получают предельное количество ранений, но остаются в живых [4].

Жертвенность матери, которая сначала отдает всю себя воспитанию единственного сына, а потом призывает его к мужеству в битве с врагами и грозит проклятием в случае проявления последним слабости, является важным компонентом ее архетипического образа. В то же время этот факт подчеркивает, что она обладает огромной душевной силой и стойкостью. Потеряв мужа – опору дома, она принимает на себя все функции по воспитанию достойного молодца и отодвигает на задний

план свое эмоциональное, чувствительное женское начало. Но, понимая свою миссию воспитания и формирования национального героя, она не становится холодной и черствой, а приобретает дополнительные силы, чтобы стать еще более мудрой, у нее обостряется интуиция, которая помогает уберечь сына от опасности, предостеречь его. Мать для къонаха (достойного молодца) – поддержка во всем, ее сердце не обманешь. Так, в «Илли о сыне Вдовы и князе Монцы» она предупреждает сына: «Бойся, мой единственный, измены, ведь коварный Монца не надежен» [9].

В трудный жизненный момент герой всегда спрашивает совета матери. К примеру, в «Илли об Умаре, сыне Тахи» юноша оказался перед сложным выбором: к нему пришли три вести: первая – по мосту должны проехать убийцы отца, то есть появился шанс совершить кровную месть; вторая – едут друзья отца из Кабарды, чтобы обратиться к нему за помощью, и, соответственно, он должен оказать гостеприимство, которое является непреложным священным законом для горца; третья – невесту Мальх-Альзни насильно выдают замуж, ее захватили князья Сала-Тау. Умар сообщает матери, что смог бы справиться с каждой из этих бед: отомстить кровнику, принять достойно гостей, отбить невесту – но по отдельности. В ситуации «тригорья» он растерялся, не знает, какой сделать выбор. Мудрая мать помогает сыну справиться с этой тяжелой задачей и ласково советует оказать почести друзьям отца и помочь им, ведь и красивых девушек достаточно, и князья-убийцы отца еще не раз будут проезжать по мосту, а отцовы товарищи, если он их обидит, больше не явятся. Этот эпизод красноречиво свидетельствует о том, что в приоритетах у чеченцев – миролюбие, дружба, взаимовыручка и закон гостеприимства, а не кровная месть или личные чувства и переживания. Сказители подчеркивают, что враги Умара не воспринимают его всерьез, считают «мальчишкой», ведь ему «нет еще и пятнадцати», то есть он не достиг совершеннолетия, а значит, слаб. Однако, последовав мудрому совету матери, Умар смог чудесным образом все три дела решить в свою пользу: встретить, как положено, гостей и помочь им в их делах; отомстить за убийство отца; отбить невесту у похитителей. Мать, таким образом, наделяет героя дополнительной силой и энергией. Честь сына для нее дороже всего:

*Нету у матери горести тягостней,  
Ежели сын уродится без гордости.  
Если же родится, да сгинет он вскорости,  
Здравствуй, Умар!..  
Здравствуй, Сокол мой доблестный!  
Мы возвратили все то, что утратили!*

[9, с. 75].

Согласие, благословление матери – обязательное условие для совершения какого-либо подвига: «Коль не даст согласия мать, молодцу удач не видать» [9, с. 78] Во всех чеченских илли, напутствуя сына на совершение подвигов во имя родной земли и защиты чести семьи, народа, мать рассказывает о тех трудностях, что ей пришлось пережить, расти сына, это, как правило, составляет экспозицию напутствия матери, а в некоторых случаях сказителю достаточно применить емкое сравнение или эпитет, чтобы передать слушателю эти мотивы: в «Илли о сыне старой вдовы» так описывается психологический портрет матери, прочувствовавшей муки неразделенной любви в душе сына и бросившейся к нему на помощь: «Согнута судьбой, как лук. И спина круглее седла» [9, с. 80].

Значимость образа матери в чеченских илли подчеркивает и то обстоятельство, что старейшины в поисках героев для защиты села или другого благородного дела всегда обращаются не к юноше напрямую, а к той, что его родила и воспитала. Этот мотив является типичным и воспроизводится во многих народных лиро-эпических песнях чеченцев. В «Илли о князе Мусосте и о Сурхо, сыне Ады, живших у берегов Терека» старейшины становятся на колени перед матерью юноши – будущего героя, снимают папахи перед ней – эти неправдоподобные (исходя из чеченской ментальности и этикета) детали подчеркивают роль матери в чеченском обществе, уважение и восхищение женщиной, которая дарит Родине достойных сыновей, а также осознание того, сколь велика жертва, на которую идет мать, отдавая своего единственного сына на возможную погибель ради блага родной земли.

При этом мать никогда не отказывает, несмотря на безграничную любовь к единственному сыну (высокая степень жертвенности ее образа очевидна):

*Старцы, вы вслушайтесь в сердце мое!  
Кроме Сурхо, никого у меня нет,  
Он и отрада, и счастье мое.  
Но родила я Сурхо моего  
Не для того, чтобы нежить его.  
Вам, если надо, отдаю я его. [9, с. 96]*

*К такой же жертвенности во имя спасения родной земли она призывает  
и единственного сына:*

*Старцы аула пришли за тобою.  
Старцы просили тебя им отдать.  
Я им не в силах, мой сын, отказать,  
Если они твою душу потребуют –  
Вырви из тела, отдаи им душу... [9, с. 97]*

Провожая единственного сына в поход, мать не только благословляет его, но и дает мудрые советы и наставления, которые в дальнейшем помогут къонаху справиться с сильным и коварным врагом, призывает не доверять ему. Так, в «Илли о Бахадуре Хушпаре» она предупреждает:

Этот князь, говорят, и хитер, и коварен.

Отказаться нельзя, даже если назад

Ты не сможешь вернуться. *Не поедешь – тогда*

*Средь достойных достойным не будешь.*

*Поезжай, но не верь! Поезжай, мой сынок!*

[9, с. 108]

Сильная, мужественная, мудрая женщина воспитывает в своем сыне любовь к родной земле, готовность жертвовать собой ради народа, честь и достоинство.

В чеченской лирической поэзии образ матери также занимает центральное место в парадигме социальных и личностных ролей человека.

Классик чеченской литературы Магомет Мамакаев в «Балладе о матери» сравнивает с гранитом мать приговоренного к смерти къонаха. В последние минуты жизни своего сына вся ее сущность устремлена к тому, чтобы придать ему сил и помочь умереть достойно:

*Но мать*

*в минуты эти сыну*

*Сумела так в глаза смотреть,*

*Как будто измеряла силу,*

*С какой он должен встретить смерть* [1, с. 125]

Внутренняя сила матери удивляет палачей, они не понимают ее красноречивой немоты, ведь они рассчитывали на ее мольбы и причитания, которые должны были, по их плану, ослабить смертника и заставить его выдать своих товарищей, но мать не желает дарить свои святые слезы врагам, она ведет немой диалог с сыном, поддерживая его в самый критический для него момент на эшафоте и помогая принять смерть так, как это должен сделать настоящий къонах (достойный молодец).

В стихотворении «Письмо с фронта» поэт-фронтовик Зайнди Муталибов использует фольклорные мотивы: лирический герой, обращаясь в письме к матери, описывает ее реакцию на геройизм или предательство, практически зеркально воспроизводя фольклорное «материнское напутствие»:

*Убьют – живым останусь для тебя.*

*Но коль предам того, чей локоть рядом, –*

*Родного сына проклянешь, скорбя,*

*Что молоко твое не стало ядом* [1, с. 302]

Алвади Шайхиев в своих лирических высказываниях отмечает, что именно мать дает силу и упорство, чтобы пройти земной удел, «дорогу не

кляния», «и так свой путь однажды завершить, / Чтоб даже смерть не стала пораженьем». [1, с. 413]

Однако поэты, подчеркивая роль матери в воспитании достойного сына Отечества, раскрывают и душевые переживания женщин, их боли и радости, передают трагизм исторического времени, в которое им приходится жертвовать самим ценным, что может быть в жизни – своими детьми. А. Шайхиев в стихотворении «Горькая мера» обличает античеловеческую суть войны через призму женских страданий: «Долго ль еще/ материям поседевшим придется/ горе и радость аршином войны измерять?» [1, с. 415].

Даже после смерти матери она является для сына мерилом его поступков и слов, путеводной звездой, направляющей и наставляющей. Об этом пишет в своем лирическом послании «Слово к матери» еще один классик чеченской литературы Магомет Сулаев: на могиле матери сын признается, что, «в каком бы жизнь ни мчалась русле», «я совестью твоей себя сужу» [1, с. 324].

Самые, пожалуй, нежные чувства в адрес матери выражены в чеченской поэзии в стихотворении Шарипа Цуруева «Нана», которое стало песней и в проникновенном исполнении Арби Цураева уже многие годы является любимым лирическим произведением не только многих чеченцев, но и стало известно за пределами Чеченской Республики благодаря молодой певице Алисе Супруновой. В простых и теплых признаниях сына прослеживается единство с матерью, неразрывная духовная связь, которая не прерывается, а только укрепляется после ее смерти. Лирический герой подчеркивает, что любовь матери оберегает его в далеких странствиях, а мир, в котором нет ее, становится не нужным и чужим. Рефреном повторяются строки, воспроизводящие народную мудрость о том, что «без прощения матери человек не может лечь в могилу» (имеется в виду, что его душа не будет принята на небесах).

Бана Гайтукаева в ряде стихотворений образ матери сопровождает светом, мать сама излучает его и разводит жизненные тучи. В семантику образа вовлекаются такие понятия, как солнечный свет, счастье, верность, любовь. И, как и в фольклоре, мать является главной наставницей детей, она нужна, чтобы указывать верный путь в тяжелых жизненных ситуациях:

*Іожаллин къизачу гуро  
Лазамца йожийча метта,  
Күвг хъакха, дагна деш дарба,  
Вайна ма оышийла нана!  
Кхолламо оъглазло йина,  
Палатло йавлла, дөг дөхча,  
Дахаре – нийса некъ хъеха,*

*Вайна ма ошийла нана!  
Малхан нур, ирс, тешам, безам,  
Даима хилийта керчахь,  
Дульне ца кхуолийта вайна,  
Даима ехийла нана! [2, с.67]*

*Когда мы попадаем в жестокий капкан смерти,  
Нам нужна мать, чтобы привлекать  
и излечить сердце.*

*Когда надвигаются жизненные тучи,  
Когда разрывается сердце от обиды и боли,  
Чтобы направить на верный путь,  
нам нужна мать.*

*Чтобы наш очаг светился солнечным светом,  
Чтобы в нем жили счастье, верность и любовь,  
Нам нужна мать –  
Пусть же она живет вечно!*

*(Подстрочный перевод – авт.)*

Молодой талантливый поэт Ибрагим Юсупов, трагически ушедший из жизни в возрасте всего лишь 24 лет, оставил после себя удивительно пронзительную поэзию, в которой есть и произведения, посвященные матери. В стихотворении «Нене» («Матери») он создает внешний и внутренний портрет героини, отражающий ее тяжелую долю материнства:

*Корталица хайн буқъ тIе дIабохкий,  
Нана, ахъ со лелавора гехъ,  
Нана, и сан дечган ага техкоши,  
Сөй наб йайта, наб ца йора ахъ [10, с. 12]  
Привязав платок к своей спине,  
Ты меня носила на себе.  
Мама, ты качала колыбельку,  
Не спала, чтоб я мог поспать.  
(Подстрочный перевод – авт.)*

Он также, как и Бана Гайтукаева, сравнивает ее со светом – огнем, который греет сына в дальней дороге. Мать, оставшуюся без сына, поэт уподобляет птице, потерявшей крыло:

*Пам кагбелла хъоза санна, тийна,  
Соне хуй, хъо гайглане Iа...[10, с. 13]  
Словно птица, потерявшая крыло,  
Ты сидишь печально в уголке.  
(Подстрочный перевод – авт.)*

В стихотворении «Нана-аьрзу» И. Юсупов создает аллегорический образ матери – орлицы, потерявшей птенца, и точными мазками передает ее страдания и одиночество:

*Инзаре мохъ бетташи субъренан кIуъралахъ,  
Хайн накха бетта ахъ бузучу малхах.  
Хъан дохна дод Iийжоши, тIехъйлу кIорнеш,  
Ткъа хайнинг цаърца йац – хъо йиси цхъалха  
[10, с. 13].*

*Ты неистово кричишь в вечерней мгле,  
Бьешься грудью в заходящее солнце.  
Твое сердце щемит от боли*

*При виде пролетающих мимо птенцов,  
Среди которых нет твоего –  
Ты одинока.  
(Подстрочный перевод – авт.)*

Как видим, в чеченской литературе каждый поэт индивидуализирует образ матери, используя яркие авторские тропы, чаще всего метафоры или сравнения, но семантическим стержнем, как и в фольклоре, остается его духовная составляющая. Концепт «мать» включает систему приядерных концептов – верность, любовь, забота, защита, мудрость, свет, совесть, честь и достоинство, которые накрепко связывают мать с сыном и заставляют его находиться в заданной материю системе нравственных координат всю жизнь, обеспечивая тем самым благородную жизнь и смерть.

### **Выводы**

В чеченской народной поэзии и литературе образ матери занимает одно из ведущих мест в тематическом и идейном содержании произведений. Он возвышается до уровня Судьбы, Духовной скрепы, обеспечивающей не только продолжение рода, но и сохранение и передачу следующим поколениям основных ценностных установок нации: любовь к родной земле, готовность пожертвовать собой ради интересов народа, верность традициям, презрение к смерти, уважение человеческого достоинства, важность сохранения чести в любых обстоятельствах. Сама же мать является воплощением таких качеств, как мужество, стойкость, любовь, жертвенность, мудрость.

В чеченских эпических песнях или напутствие матери герою – защитнику слабых, родной земли – является обязательным сюжетным элементом, определяющим основной смысл жизни къонаха – достойного молодца. Мать готова пожертвовать сыном-героем, но никогда не простит сына-труса или предателя. Однако мать вовсе не бездушна, она любит своего сына, который обычно в или представлена как «единственный» и «обездоленный» (чаще всего сирота, не имеющий отца). Тот факт, что во многих или матер героя – Вдова, а сын – Сирота без имени, уже однозначно свидетельствует о том, что сказители создали собирательные, символические, нарицательные образы, обладающие, с одной стороны, типичными чертами Матери и Сына, с другой, идеализировали их, наделив лучшими национальными и общечеловеческими качествами. Нигде не говорится о том, как погиб отец, но слушатель подсознательно понимает, что, скорее всего, он погиб в бою, а сына мать воспитывает как будущего воина и защитника, сконцентрировав на нем все свое внимание. Вероятно, безапелляционное заявление матери о предназначении къонаха, повторяющееся в ряде

напутствий, продиктовано исторической необходимостью защищать родную землю от угнетения.

В чеченской литературе развиваются фольклорные традиции изображения взаимоотношений матери и сына, в то же время образ матери напол-

няется особой теплотой и глубиной: авторы акцентируют внимание на внутренних переживаниях героинь, подчеркивают их невероятную любовь и нежность, с одной стороны, и необыкновенную силу духа и непоколебимость – с другой.

### Список источников

1. Антология чечено-ингушской поэзии / сост. В.А. Дыхаев. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство. 1981. 463 с.
2. Гайтукаева Б. Б1авниин махкахь. Стихаш, проза, эссеш. (В краю башен). Грозный. 2021. 222 с.
3. Мунаев И.Б. Чеченские героико-исторические илли – поздний героический эпос // Армянский эпос и всемирное эпическое наследие. Ереван.: НАН РА ИА и Этногр. 2014. С. 94 – 113.
4. Мунаев И.Б., Довлеткиреева Л.М. «Напутствие матери» в системе стереотипа поведения героя позднего эпоса Илли чеченцев / Фольклор и возникновение авторского словесного искусства. Нальчик, 2024. С. 201 – 208.
5. Нохчиин фольклор (Чеченский фольклор). Т. I. / сост. З. Джамалханов, С. Эльмурзаев (Первое переиздание). Грозный: ИПК «Грозненский рабочий». 2014. 320 с.
6. Нохчиин фольклор. (Чеченский фольклор). Т. IV. / сост. С. Эльмурзаев, Я. Вагапов; Отв. ред. И.Б. Мунаев Грозный: АН ЧР, 2005. 365 с.
7. Путилов Б.Н. Поздний героический эпос на Балканах: проблемы типологии и истории // Балканские исследования. Вып. 9. М.: АН СССР. ИСиБ. Наука, 1984. С. 415 – 424.
8. Путилов Б.Н. Проблемы героико-исторических песен народов Кавказа в общем контексте современного эпосоведения / Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. Грозный. 1988. С.30 – 40.
9. Чеченский фольклор. Т.1. / сост. Мунаев И., Хатуев А. М.: Фонд поддержки чеченской литературы. 2009. 372 с.
10. Юсупов И. 1уыйренан олхазар. Байташ. Эпиграммаш. Гочдарш. (Утренняя птица) (на чеченском и русском языках). Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий». 191 с.

### References

1. Anthology of Chechen-Ingush poetry. Compiled by V.A. Dykhaev. Grozny: Chechen-Ingush book publishing house. 1981. 463 p.
2. Gaitukaeva B. B1avniin makhkakh. Verse, prose, essay. (In the land of towers). Grozny. 2021. 222 p.
3. Munaev I.B. Chechen heroic-historical illis – late heroic epic. Armenian epic and world epic heritage. Yerevan.: NAS RA IA and Ethnogr. 2014. P. 94 – 113.
4. Munaev I.B., Dovletkireeva L.M. "Mother's parting words" in the system of behavioral stereotypes of the hero of the late epic Illi of the Chechens. Folklore and the emergence of the author's verbal art. Nalchik, 2024. Pp. 201 - 208.
5. Nokhchiyn folklore (Chechen folklore). T. I. compiled by Z. Dzhambalkhanov, S. Elmurzaev (First reprint). Grozny: IPK "Groznenky rabochiy". 2014. 320 p.
6. Nokhchiyn folklore. (Chechen folklore). T. IV. compiled by S. Elmurzaev, Ya. Vagapov; Responsible. editor I.B. Munaev Grozny: Academy of Sciences of the Chechen Republic, 2005. 365 p.
7. Putilov B.N. Late heroic epic in the Balkans: problems of typology and history. Balkan studies. Issue 9. Moscow: USSR Academy of Sciences. Institute of Sibiriology. Science, 1984. P. 415 – 424.
8. Putilov B.N. Problems of heroic-historical songs of the peoples of the Caucasus in the general context of modern epic studies. Heroic-historical epic of the peoples of the North Caucasus. Grozny. 1988. P. 30 – 40.
9. Chechen folklore. V. 1. compiled by Munaev I., Khatuev A. Moscow: Fund for the Support of Chechen Literature. 2009. 372 p.
10. Yusupov I. Morning bird. Baytash. Epigrammash. Gochdarsh. (Morning bird) (in Chechen and Russian). Grozny: JSC "Publishing and Printing Complex "Groznenky Rabochy". 191 p.

### **Информация об авторе**

Довлеткиреева Л.М., кандидат филологических наук, доцент, Orcid ID: <https://orcid.org/0000-0001-8299-5651>, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова; ведущий научный сотрудник сектора литературы и фольклора Академии наук Чеченской Республики, [dlida@inbox.ru](mailto:dlida@inbox.ru)

© Довлеткиреева Л.М., 2025